

Ж. Верн

Два года каникул



Мировая книжка

Жюль Верн

Два года каникул

«ЭНАС»

1888

УДК 82-3
ББК 84-44

Верн Ж. Г.

Два года каникул / Ж. Г. Верн — «ЭНАС», 1888 — (Мировая книжка)

ISBN 978-5-91921-377-2

Герои романа знаменитого французского писателя Жюль Верна (1828–1905), пятнадцать мальчиков в возрасте от восьми до четырнадцати лет, собирались провести каникулы в морском путешествии. Неожиданно дети остаются одни на дрейфующем судне; шторм уносит яхту в открытое море, и они попадают на необитаемый остров в Тихом океане. Мужество, упорство, смекалка и сплоченность мальчиков позволили им два года продержаться на диком острове, перенести тяжелейшие испытания, преодолеть всевозможные невзгоды, выстоять в смертельно опасных ситуациях и, в конце концов, благополучно возвратиться на родину. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 82-3

ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-377-2

© Верн Ж. Г., 1888

© ЭНАС, 1888

Содержание

Предисловие от издательства	7
I	9
II	16
III	23
IV	29
V	36
VI	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Жюль Верн Два года каникул



Jules Gabriel Verne
Deux ans de vacances

© Е. Володькина. Обложка, 2016

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2018

Предисловие от издательства

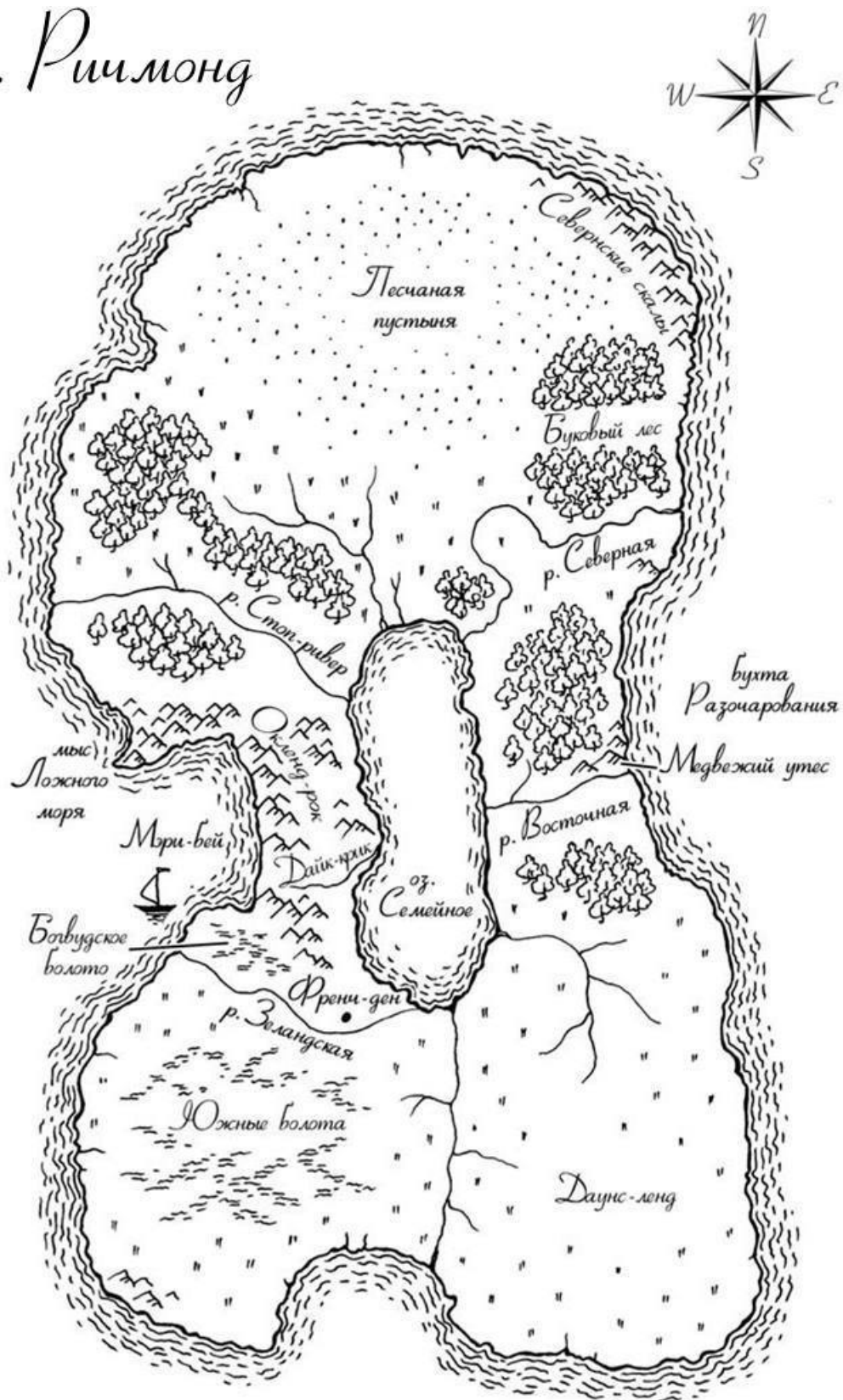
Жюль Габриэль Верн (*Jules Gabriel Verne*, 1828–1905) – знаменитый французский писатель, классик приключенческой литературы, один из основоположников жанра научной фантастики.

Большую часть произведений писателя составляют приключенческие романы: «Вокруг света за восемьдесят дней», «Дети капитана Гранта», «Пятнадцатилетний капитан» и др. Однако читательское признание Жюль Верн заслужил прежде всего как основоположник жанра научной фантастики. Его перу принадлежат ставшие классикой романы «Путешествие к центру Земли», «С Земли на Луну», «20 000 лье под водой» и др.

«Два года каникул» – не самый известный роман писателя. В обращении к читателю этой книги, упомянув о множестве «литературных последователей» Робинзона Крузо, автор так объяснил цель создания своего романа: «Мне показалось, что для завершения всех этих робинзонад остается показать группу заброшенных на остров детей, борющихся за свое существование, одним словом целый пансион робинзонов».

...Пансион Ричмонда в Окленде, Новая Зеландия, – типичное английское заведение для мальчиков, где учатся дети европейских колонистов. Пятнадцать воспитанников пансиона в возрасте от восьми до четырнадцати лет собирались провести каникулы в морском путешествии. Неожиданно дети остаются одни на дрейфующем судне; шторм уносит яхту в открытое море, и они попадают на необитаемый остров в Тихом океане...

о. Ричмонд



I

Буря. – Судно без снастей. – Четыре мальчика на палубе «Мэри». – Изорванный фок. – Устройство яхты. – Полузадушенный юнга. – Земля сквозь утренний туман. – Подводные скалы

В ночь на 9 марта 1860 года над морем так низко висели тучи и стоял такой мрак, что ничего нельзя было разглядеть.

По темно-синим волнам бурного моря металось маленькое судно, почти лишенное парусов. То была яхта «Мэри» водоизмещением около ста тонн. Шел двенадцатый час ночи. На той широте, где находилась яхта, ночи в начале марта не очень длинные, однако до рассвета оставалось еще часов пять или шесть. Но станет ли положение яхты менее опасным, когда взойдет солнце? Или она по-прежнему останется игрушкой волн? Конечно, останется, если волнение не утихнет, если не уляжется ветер, не ослабевут его порывы. Только это могло бы спасти яхту от самого ужасного из крушений – от крушения посреди океана, вдали от какой бы то ни было земли, где пловцы могли бы найти себе убежище.

На корме яхты, у рулевого колеса, стояли три мальчика. Старшему было лет четырнадцать, двум младшим по тринадцать. С ними был еще юнга, двенадцатилетний негр. Мальчики напрягали все силы, чтобы удерживать яхту от бешеных бросков из стороны в сторону, которые легко могли опрокинуть судно. Дело было очень трудное, потому что рулевое колесо, вращаясь помимо воли мальчиков, каждую минуту могло толкнуть их так, что они попадали бы за борт. А на исходе двенадцатого часа на яхту налетел такой огромный вал, что сам руль уцелел лишь каким-то чудом.

Мальчики попадали на палубу, но тут же вскочили на ноги.

– Действует руль, Бриан? Не сломался? – спросил один из них.

– Цел, Гордон, – отвечал Бриан, становясь на свое прежнее место и не теряя спокойствия. Затем он добавил, обращаясь к третьему мальчику:

– Держись крепче, Донифан, и вообще, господа, не будем терять мужества. Кроме нас ведь некому спасти яхту.

Они говорили на английском языке, правда, в выговоре Бриана слышался французский акцент.

– Ты не ушибся, Моко? – спросил Бриан юнгу.

– Нет, господин Бриан, – отвечал негр. – Старайтесь, сударь, не давать яхте сильно накреститься, а то мы пойдем ко дну.

В эту минуту вдруг распахнулась дверь, ведущая к трапу. Над палубой показались две детские головки и добродушная морда твякающего пса.

– Бриан! Бриан! – кричал один из малышей, девятилетний мальчик. – Что случилось?

– Ничего, Айверсон, ничего, – отвечал Бриан. – Ступай вниз и Доля тоже уведи. Вам нечего здесь делать.

– Да, но мы очень боимся! – возразил другой мальчик, еще младше.

– А остальные что? – спросил Донифан.

– И остальные тоже боятся, – отвечал Доля.

– Ну, так и уходите, – повторил Бриан. – Запритесь у себя в каюте, спрячьтесь под одеяла, закройте глаза и тогда вам будет не так страшно. А бояться нечего, никакой опасности нет.

– Стойте!.. Еще волна! – вскричал Моко.

Корма яхты получила сильный удар, но на этот раз волна не перелилась через палубу – и к счастью, потому что если бы вода через открытую дверь проникла внутрь, судно осело бы глубже и ему стало бы еще труднее бороться с волнением.

– Ступайте же назад, говорят вам! – прикрикнул на ребяташек Гордон. – Убирайтесь, или я вам задам!

– Ступайте, ступайте, малыши, – более ласковым тоном прибавил Бриан.

Две головки исчезли, но на их месте тут же показалась голова третьего мальчика, который спросил:

– Не помочь ли тебе, Бриан?

– Нет, не нужно, Бакстер, – отвечал Бриан. – Вы, Кросс, Вебб, Сервис и Вилькоккс, оставайтесь с маленькими. Мы и вчетвером управимся.

Бакстер ушел, заперев за собой дверь изнутри.

«Остальные тоже боятся!» – сказал, как мы слышали, маленький Доль. Так неужели же на яхте, гонимой ураганом, не было никого, кроме детей?

Да, кроме детей никого не было.

И сколько же их было?

Пятнадцать человек, считая Гордона, Бриана, Донифана и юнгу.

Как же случилось, что они одни оказались на яхте?

На этот вопрос мы ответим позже.

И неужели на яхте так-таки не было ни одного взрослого? Неужели не было на ней капитана, не было матросов, не было рулевого?..

В том-то и дело, что нет.

Таким образом, на яхте не было человека, который бы мог точно определить ее положение среди океана – и какого океана! Тихого, простирающегося на две тысячи миль¹ от Австралии и Новой Зеландии до берегов Южной Америки.

Что же случилось? Куда девался экипаж яхты? Пираты его перебили, что ли? И оставили на «Мэри» одних маленьких детей? И давно ли яхта очутилась в таком положении?

На все эти вопросы дети-пассажиры, конечно, могли бы ответить, если бы с яхтой встретился какой-нибудь корабль и кто-нибудь осведомился об этом. Но даже если бы корабль и встретился – все равно, будь он парусный или паровой, – он не смог бы оказать помощь яхте, которую носило по волнам как щепку, – буря не дала бы ни малейшей возможности сделать это.

Между тем Бриан и его товарищи изо всех сил старались держать руль.

– Как же теперь быть? – спросил Донифан.

– Держаться, сколько хватит сил, и надеяться на божью помощь, – отвечал Бриан.

И это говорил маленький мальчик – в обстоятельствах, при которых даже взрослому человеку простительно было потерять голову и прийти в совершенное отчаяние.

Буря усиливалась, налетавшие шквалы сотрясали «Мэри» до основания. Грот-мачта² яхты уже давно была сломана и лишена снастей. Фок-мачта³ еще держалась, но бо́льшая часть ее рей⁴ была снесена и сама она с минуты на минуту грозила рухнуть на палубу. Тогда яхта окончательно потеряла бы способность держаться под ветром и, наверное, была бы захлестнута волнами.

Вот уже двое суток продолжалась буря, и все это время ни разу не была замечена земля. Хоть бы островок какой-нибудь попался! Приставать к берегу в таких обстоятельствах тоже было очень опасно, но мальчики готовы были рискнуть: это все же лучше, чем каждую минуту ожидать крушения.

И они пристально вглядывались в темную даль в надежде увидеть где-нибудь огонек, чтобы направить к нему яхту.

¹ Милья – мера длины; английская сухопутная миля составляет 1609,3 метра; морская миля равна 1852 метрам.

² Грот-мачта – вторая мачта от носа судна.

³ Фок-мачта – передняя мачта.

⁴ Рея – подвижный поперечный брус, подвешиваемый за середину к мачте; к нему привязывается парус.

Но нет. Никакой огонек не блестел сквозь зловеющий, непроглядный мрак.

Вдруг в первом часу ночи среди рева бури послышался страшный треск.

– Фок-мачта сломалась! – в испуге крикнул Донифан.

– Нет, – отвечал юнга, – это только парус оторвался от ликтросов⁵.

– Тогда лучше снять его совсем, – сказал Бриан. – Гордон, оставайся у руля с Донифаном, а ты, Моко, ступай со мной, поможешь.

Моко как юнга имел кое-какое понятие о морском деле; Бриан тоже кое-чему научился, когда плыл на корабле из Европы в Океанию. Поэтому именно им двоим остальные мальчики доверили командование яхтой.

Бриан и юнга смело пробрались на нос корабля. Снять обрывки паруса было необходимо, так как они, висят мешками, только мешали и увеличивали опасность.

Рискуя в любую минуту быть снесенными в море, мальчики проявляли необыкновенную ловкость, и хотя с большим трудом, но достигли своей цели. Оборванные лоскутья полотна были отрезаны ножом, но часть паруса все-таки удалось сохранить. Они кое-как приладили остатки, и у бедствующей яхты осталась – хотя и трудно сказать, надолго ли – возможность держаться под ветром.

Сделав свое дело, Бриан с Моко вернулись к Гордону и Донифану, чтобы помогать им держать руль.

В эту минуту снова отворилась дверь к трапу и показалась детская головка. Это был Жак, младший брат Бриана, моложе его на три года.

– Что ты, Жак? – спросил Бриан.

– Иди скорее! В салоне вода!..

– Не может быть! – воскликнул Бриан и, кинувшись к трапу, быстро сбежал вниз.

⁵ Ликтрос – трос, которым обшивают кромки (шкаторины) парусов для их крепления к реям.⁹



Рискуя в любую минуту быть снесенными в море, мальчики проявляли необыкновенную ловкость.

Салон тускло освещала раскачивающаяся лампа. На диванах, в ужасе крепко прижимаясь друг к другу, лежали мальчики.

– Никакой опасности нет, – сказал Бриан, стараясь первым делом успокоить малолетнее общество. – Мы не допустим ничего страшного. Не бойтесь, друзья!..

Он зажег фонарь и осмотрел пол. Действительно, на полу, от одного борта яхты до другого плескалась вода.

Откуда она взялась? Не образовалась ли трещина в борту? Это нужно будет проверить. За салоном находилась большая спальня, за ней столовая и каюта для матросов.

Бриан обошел все эти помещения и убедился, что там нет никакой воды. Следовательно, вода попала в салон с палубы, когда отворяли дверь, и, значит, с этой стороны опасности не было. Убедившись в этом, он вернулся в салон, успокоил своих младших товарищей и с немного облегченным сердцем вернулся наверх.

Прошел час. Тучи еще плотнее обложили небо, и мрак сделался гуще. Ветер дул все яростнее. Яхта стремительно неслась по бушующим волнам. В воздухе раздавались пронзительные крики буревестников. Не означало ли присутствие этих птиц близость земли? Нет, потому что они встречаются далеко в открытом море, иногда за сотни миль от берега. Впрочем, буревестники летели не сами, их нес тот же беспощадный ураган, который гнал по морю несчастную яхту.

Прошел еще час. Опять раздался громкий треск: то, что оставалось от паруса, разлетелось на мелкие клочки, которые тут же унесло ветром.

– Теперь у нас нет ни одного паруса! – воскликнул Донифан. – И поставить другой на его место мы не сможем!

– Ничего, – отвечал Бриан, – мы все равно будем мчаться так же быстро.

– Ну, знаешь, – возразил Донифан, – если такова твоя теория мореплавания...

– Берегитесь волн со стороны кормы! – перебил их Моко. – Надо держаться как можно крепче, а то нас смоем...

Не успел юнга договорить, как через борт на палубу хлынула огромная волна. Бриана, Донифана и Гордона отнесло к мачте, за которую они сумели уцепиться, но юнга исчез вместе со страшным потоком, который пронесся по палубе от кормы до носа, сметая все на своем пути. Но, по счастью, вода быстро схлынула с палубы, и судно осталось на плаву.

– Моко! Моко! – закричал Бриан, как только к нему вернулась способность говорить.

– Не упал ли он за борт? – испугался Донифан.

– Нет. Его там что-то не видно, и потом он бы закричал, – возразил Гордон, наклонившись через борт.

– Надо его спасти... Бросить ему буюк, веревку... – проговорил Бриан и снова громко, как только мог, крикнул: – Моко! Моко!

– Ко мне!.. Помогите!.. – отозвался юнга.

– Он не в море, – обрадовался Гордон, – он кричит откуда-то с носа яхты.

– Я его спасу! – воскликнул Бриан и двинулся вперед, осторожно лавируя между качающимися блоками и стараясь не упасть на скользкой палубе.

Еще раз послышался голос юнги, затем все стихло.

Бриан с трудом пробрался в носовую часть яхты и окликнул Моко. Ответа не было.

Неужели юнга упал в море? Но в таком случае он наверняка погиб, потому что яхта уже успела далеко уйти от того места, где он упал, а волны не могли нести его так же быстро, как яхту.

Но нет! Снова послышался крик, только гораздо слабее предыдущего. Бриан кинулся к бушприту⁶. Там, в углу между бортами, он увидел Моко. Юнга запутался в сжимавшей его горло веревке. Эта веревка спасла мальчика от падения в море, но зато теперь грозила его задушить.

⁶ Бушприт – горизонтальный наклонный брус на носу судна для вынесения вперед носовых парусов.¹⁴

Бриан открыл свой ножик, быстро перерезал веревку и освободил юнгу, а потом отвел его на прежнее место, где тот скоро пришел в себя и от души поблагодарил своего спасителя.

Между тем, вопреки предсказанию Бриана, скорость яхты после потери фока заметно уменьшилась, вследствие чего возникла новая опасность, о которой говорил юнга: волны, бежавшие быстрее яхты, накатывали с кормы и заливали палубу.

Наконец на горизонте стали появляться смутные проблески света. К несчастью, стоял густой туман и вдали ничего не было видно. Облака проносились по небу с ужасающей быстротой. Ураган нисколько не ослабевал, и море сплошь было покрыто клокочущей пеной. Яхта то взлетала на самый гребень волны, то низвергалась в бездну, и будь это поближе к берегу, она давным-давно опрокинулась бы.

Молодые люди безмолвно глядели на этот хаос бурлящих, беснующихся волн. Они понимали, что, если буря не утихнет, у них не останется никакой надежды на спасение. Волны зальют палубу, проникнут внутрь яхты, и несчастный корабль пойдет ко дну.

Вдруг Моко воскликнул:

– Земля! Земля!..

Туман на мгновение разорвался, и сквозь образовавшийся просвет юнге показалось, что он видит на востоке очертания берега.

– Земля? – переспросил Бриан.

– Да, – отвечал Моко, – она самая! На востоке...

И он указал вдаль на какую-то точку, которая тут же снова скрылась в тумане.

– Ты уверен, что это земля? – спросил Донифан.

– Уверен, совершенно уверен! – стоял на своем юнга. – Вот, когда туман опять рассеется, поглядите сами внимательно... Вот сюда, немного правее фок-мачты... Да вот же она, вот!..

Туман редел и, отделяясь от моря, понемногу поднимался. Через несколько минут океан впереди яхты очистился, и стало видно далеко вперед.

– Да, и правда, это земля! – воскликнул Бриан. – Действительно земля!..

– И очень низменная, – прибавил Гордон, внимательно разглядывая показавшийся впереди берег.

Теперь сомнений не было: впереди, милях в пяти или шести, виднелась земля, – все равно, материк или остров, но – земля!

Но вот притихший было ветер подул с новой силой. Подхваченная штормом «Мэри» неслась к берегу, как перышко. На бледном фоне неба берег рисовался черной, точно проведенной чернилами полосой. На заднем плане возвышалась скала. Впереди тянулось желтоватое побережье, обрамленное с правой стороны чем-то вроде леса.

Если «Мэри» удастся благополучно достичь песчаного берега, миновав подводные рифы, то бедные мальчики, возможно, будут спасены.

Донифан, Гордон и Моко остались у руля, а Бриан прошел на нос корабля и стал пристально вглядываться в берег. Земля становилась видна все лучше, так как яхта неслась с огромной скоростью.

Но юноша тщетно пытался разглядеть место, где яхта могла бы пристать: на всем берегу не было видно ни бухточки, ни устья реки, ни песчаной отмели.

Бриан рассудил, что в критическую минуту лучше быть всем на палубе. Он открыл дверь на трап и крикнул:

– Все наверх!

Тотчас же на палубу с лаем выскочила собака, а за ней поднялись и дети – все одиннадцать человек. Те, что поменьше, при виде высоких волн испугались, принялись кричать и плакать.

Яхта постепенно приблизилась к передней линии бурунов.

– Держись! – крикнул Бриан и, сняв верхнюю одежду, приготовился помогать тем, кого утащит прибой, так как яхта неслась прямо на скалы.

Вот почувствовался первый толчок. Яхта стукнулась кормой об утес, но не получила пробоины, хотя весь ее корпус был потрясен до основания. Следующая волна подняла судно и пронесла его на сотню футов⁷ вперед, причем яхта не задела ни одного из торчавших над водой утесов. После этого яхта накренилась на левый борт и остановилась, окруженная клокочущим прибоем.

Хотя теперь она была уже не в открытом море, однако до берега оставалось еще не менее четверти мили.

⁷ Фут – английская мера длины, примерно 30 сантиметров; в 1 фута 12 дюймов.¹⁶

II

В бурунах. – Бриан и Донифан. – Берег. – Спор из-за лодки. – С верхушки мачты. – Смелая попытка Бриана. – Спасительная волна

Туман рассеялся, и теперь можно было видеть вокруг яхты на довольно большое расстояние. Тучи неслись по-прежнему очень быстро, ветер не утихал. Но, возможно, это были уже его последние порывы?

Во всяком случае, оставалось надеяться на это, потому что положение «Мэри» в бурунах было не менее опасным, чем во время только что перенесенной бури в открытом море.

Собравшиеся на палубе дети пугливо жались друг к другу и, когда очередная волна переливалась через борт, с ужасом думали, что пришел их последний час. Удары волн были тем опаснее, что яхта теперь не могла от них уклониться. Но, хотя ее корпус трещал и вздрагивал, однако пробоин еще нигде не было. В этом убедились Гордон и Бриан, спустившись вниз и осмотрев все каюты и трюм.

Вернувшись на палубу, они принялись успокаивать младших мальчиков.

– Не бойтесь, – говорил им Бриан, – яхта цела, берег недалеко, мы как-нибудь доберемся до него. Подождите еще немного.

– Чего же ждать? – спросил Донифан.

– Правда, чего ждать? – прибавил Вилькокс, мальчик лет двенадцати. – Донифан прав. По-моему, ждать совершенно нечего.

– Надо подождать, пока не стихнет волнение. Иначе, чего доброго, волны бросят нас на скалы, – ответил Бриан.

– А если яхта разобьется? – воскликнул третий мальчик, Вебб, одних лет с Вилькоксом.

– Не думаю, чтобы это могло случиться, – возразил Бриан. – Надеюсь, мы продержимся до отлива; когда же наступит отлив, можно будет позаботиться о высадке на берег. Конечно, если при этом стихнет ветер.

Бриан говорил совершенно правильно. Благоразумнее было подождать отлива, так как при этом часть скал выступит из воды и добраться до берега будет гораздо легче. Но Донифан и некоторые другие мальчики не соглашались с Брианом и, отойдя в сторону, начали шепотом советоваться между собой. Это были, кроме Донифана, Вилькокс, Вебб и Кросс. Они и во время плавания неохотно подчинялись Бриану, уступая лишь по необходимости, так как Бриан лучше всех из них понимал морское дело. Но им хотелось избавиться от этого «ига», как выражался Донифан, считавший себя и умнее, и способнее Бриана. И если им удастся высадиться на берег, они решили «свергнуть» Бриана.

Однако, взглянув на пенящиеся волны, строптивые мальчики вынуждены были признать, что Бриан и на этот раз прав, потому что даже самый искусный и сильный пловец вряд ли смог бы благополучно достичь берега при таком шторме.

Бриан между тем говорил Гордону и другим, стоявшим рядом:

– Нам ни в коем случае нельзя разлучаться. Будем держаться все вместе, иначе нам придется плохо.

– Надеюсь, ты не собираешься нами командовать? – вскричал Донифан, до которого долетели слова товарища. – Ишь, какой командир выискался!

– Вовсе не командир, просто я уверен, что для нашего спасения нам нужно действовать сообща.

– Это верно, – произнес Гордон, хладнокровный, рассудительный мальчик, никогда не говоривший необдуманно.

– Да!.. Да!.. – закричали еще несколько малышей, инстинктивно угадавших, на чьей стороне правда.

Донифан не возразил, но продолжал держаться со своими единомышленниками в стонке, дожидаясь благоприятной минуты для высадки на берег.

Что же это был за берег? Какой-нибудь остров или материк? С яхты это невозможно было определить, хотя Бриан пристально рассматривал берег в подзорную трубу.

Если это остров, то каким образом мальчики потом выберутся с него, ведь яхта может разбиться на скалах? А если он к тому же необитаемый, то как на нем смогут выжить малолетние пассажиры погибшей «Мэри»?

С другой стороны, если это материк, то, скорее всего, южноамериканский. На материке, конечно, безопаснее, но и здесь могут встретиться всевозможные неожиданности.

Впрочем, мальчикам сейчас было не до того, чтобы рассуждать о таких вещах. Нужно было во что бы то ни стало выбраться на берег, каков бы он ни был.

Погода прояснилась настолько, что неведомый берег стал виден уже во всех подробностях. Он не представлял собой ничего особенно привлекательного: впереди песчаное взморье, за ним скалы и полоска зелени, указывавшая, что земля тут хоть в некоторой степени плодородна. Но не было видно ни малейшего признака, по которому можно было бы судить о присутствии на этой земле людей.

– Я не вижу ни одной струйки дыма, – сказал Бриан, опуская трубу.

– И около берега не видно ни одной лодки, – заметил Моко.

– Откуда же быть лодкам, если нет гавани? – возразил Донифан.

– Для этого не нужна гавань, – произнес своим обычным рассудительным тоном Гордон. – Лодки в бурю могли бы укрыться, например, в устье реки.

Замечание Гордона было вполне резонным. Но, так или иначе, факт оставался фактом: лодок у берега не было.

Между тем начинался отлив, хотя вода убывала еще очень медленно. Нужно было приготовиться, чтобы сойти с яхты, как только достаточно обнажатся подводные скалы. Малолетние путешественники принялись вытаскивать из кают на палубу всевозможные необходимые вещи, рассчитывая выловить остальные из воды потом, когда море, разбив яхту, принесет их к берегу.

На яхте было много провизии – сухарей, соленого и копченого мяса. Все это запаковали в небольшие тюки, чтобы их было по силам нести каждому мальчику. Но чтобы эти тюки действительно удалось перенести на берег, необходимо, чтобы скалы вышли из-под воды. А будет ли для этого достаточно отлива?

Бриан и Гордон внимательно следили за морем. Ветер изменил направление, чувствовалось затишье, и рев бурунов становился все слабее. Убыль воды стала заметнее; яхта начала крениться на левый борт, так что появилось опасение, как бы она совсем не опрокинулась на бок. В этом случае положение пассажиров стало бы еще более сложным.

Как теперь они жалели, что бурей унесло все лодки! На лодках Бриану и его товарищам было бы нетрудно добраться до берега и даже взять с яхты значительную часть припасов. А теперь, наверное, «Мэри» скоро будет разбита волнами, и большая часть вещей, которые придется оставить на ней, погибнет без всякой пользы.

Вдруг с носа яхты послышался крик. Это Бакстер сделал чрезвычайно важное открытие: одна из шлюпок уцелела, она висела под бушпритом, запутавшись в тросах. Это был маленький ялик, в который могло сесть не больше пяти-шести человек, но все-таки это была лодка!

Оставалось только подождать, пока вода спадет еще больше, а затем воспользоваться неожиданной находкой. Но тут опять разгорелся спор между Брианом и Донифаном.

Дело в том, что Донифан, Вилькокс, Вебб и Кросс завладели яликом и собирались спустить его за борт. Бриан подошел к ним и спросил:

– Что вы делаете?

– То, что считаем нужным, – резко отозвался Вилькокс.

– Вы намерены сесть в лодку и плыть к берегу?
– Да, – отвечал Донифан. – А кто нам может это запретить? Уж не ты ли?
– Да хоть бы и я! – вскричал Бриан. – А также все те, кого ты хочешь оставить без лодки.
– Оставить без лодки? С чего ты это взял? – с гордостью возразил Донифан. – Я не собираюсь ни у кого ее отнимать. Когда мы достигнем берега, один из нас приведет ялик обратно к яхте.

– А если лодка по дороге разобьется об утесы? – Бриан с трудом сдерживал негодование.

– Садитесь, господа, садитесь скорее! – воскликнул Вебб, отталкивая Бриана.

С помощью Вилькокса и Кросса он приподнял ялик, чтобы спустить его за борт.

Бриан схватился за борт лодки.

– Вы не пойдете! – твердо сказал он.

– Это мы увидим! – отвечал Донифан.

– Вы не пойдете! – повторил Бриан, решив во что бы то ни стало отстоять интересы остальных пассажиров. – Лодку сначала следует предоставить младшим.

– Оставь нас в покое! – закричал Донифан, выходя из себя. – Повторяю тебе, Бриан, мы не позволим, чтобы ты здесь распоряжался!

– А я повторяю, Донифан, что я буду распоряжаться и не уступлю тебе лодку!

Мальчики готовы были броситься друг на друга. Вилькокс, Вебб и Кросс явно держали сторону Донифана, а Бакстер, Сервис и Гарнет – сторону Бриана. Ссора грозила перейти в потасовку с самыми печальными последствиями, но, к счастью, вмешался Гордон.

Он был постарше всех остальных и умел держать себя в руках. Понимая, как опасны подобные распри, он поспешил предотвратить назревающую драму.

– Ну, Донифан, послушай, – обратился он к вздорному товарищу. – Разве ты не видишь, как море беспокойно? Еще рано спускать лодку!

– Я не хочу, чтобы Бриан здесь командовал! – не унимался Донифан. – Я не позволю ему строить из себя командира!

– И мы не позволим!... Мы не хотим!... – кричали Вебб и Кросс.

– Да я вовсе и не желаю командовать, – возразил Бриан. – но я никому не позволю делать первое, что взбрело им в голову, если от этого зависит участь всех остальных!

– Мы не меньше тебя заботимся о других, – уже спокойнее ответил Донифан. – Но так как теперь мы у берега...

– Увы, Донифан, до берега еще далеко, – заметил Гордон. – Поэтому не упрямясь и подожди спускать лодку, пока море хоть немного не утихнет.

Вмешательство Гордона очередной раз остановило ссору между Донифаном и Брианом. Благоразумному мальчику уже не однажды приходилось становиться посредником между двумя товарищами, вечно находившими повод к столкновению, в чем, однако, чаще бывал виноват Донифан.

Уровень воды между тем понизился на пару футов. Надо было посмотреть, нет ли безопасного прохода между бурунами.

Бриан взял это дело на себя и, подойдя к фок-мачте, вскарабкался на нее по реям.

Проход между бурунами действительно имелся. Он шел через всю группу подводных скал, обозначенных торчащими из воды верхушками, мимо которых и можно было направить лодку к берегу.

Но спускать лодку на воду было все еще рано. Море еще далеко не успокоилось, и спущенный ялик неминуемо наткнулся бы на одну из скал. Во всяком случае, безопаснее было еще немного повременить.

С мачты Бриану был виден весь берег. При помощи подзорной трубы можно было убедиться, что на всем примерно десятимильном пространстве между двумя выдавшимися в море мысами не было ничего похожего на человеческое жилье.

Почти полчаса Бриан просидел на мачте. Закончив свои наблюдения, он спустился вниз отдать товарищам отчет обо всем увиденном.

Донифан, Вилькокс, Вебб и Кросс выслушали его с небрежным видом и не сказали ни слова. А Гордон спросил:

– Который был час, когда «Мэри» села на мель? Ведь, кажется, часов шесть, так?

– Совершенно верно, шесть часов, – отвечал Бриан. – А сколько времени длится отлив, ты не знаешь? – Кажется, часов пять... Как ты считаешь, Моко?

– Около этого... Часов пять или шесть, – подтвердил юнга.

– Значит, спустить ялик нужно будет часам к одиннадцати, – продолжал Гордон.

– Так примерно я и рассчитывал, – согласился Бриан.

– Ну, стало быть, будем готовиться, – заключил Гордон. – А тем временем нужно позавтракать, ведь нам предстоит изрядно потрудиться.

Совет был очень хорош, и дать его мог только очень благоразумный мальчик. Пассажиры «Мэри» сели за завтрак, состоявший из консервов и сухарей. Бриан все время присматривал за маленькими. Дженкинс, Айверсон, Доль, Костар и другие уже успели чисто по-детски успокоиться после всех пережитых опасностей. Бриан боялся, что они съедят слишком много, а это было бы вредно, так как перед тем они ничего не ели целые сутки. Все, однако, обошлось благополучно.

После завтрака Бриан вернулся на верхнюю палубу и, облокотившись на борт, снова стал пристально разглядывать подводные скалы.

Как медленно убывала вода!.. Но все-таки ее уровень заметно понижался, и яхта продолжала крениться. Моко бросил лот⁸ и установил, что над отмелью было еще восемь футов воды. Сойдет ли вода полностью, когда кончится прилив? Моко полагал, что нет, и счел своим долгом сообщить об этом Бриану – по секрету, чтобы не пугать остальных.

Бриан посоветовался с Гордоном. Оба мальчика понимали, что дувший с моря ветер задерживает отлив и мешает воде понизиться до обычного уровня.

– Что же нам делать? – с тревогой спросил Гордон.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво отвечал Бриан. – Как жаль, что мы всего только дети и ничего не знаем...

– Нужда нас научит, – возразил Гордон. – Не отчаивайся, Бриан, будем действовать осторожно и обдуманно.

– Да, Гордон, действовать необходимо. Сидеть сложа руки нельзя. Если мы до следующего прилива не сойдем с «Мэри», если нам придется провести на ней ночь, мы погибнем...

– Конечно, потому что волны разобьют яхту в щепки. Мы должны сойти с нее во что бы то ни стало.

– Да, Гордон, но как это сделать? Я ничего не могу придумать...

– А может, нам построить какой-нибудь плот?

– Я думал об этом, да только из чего построить-то? Все доски, все обломки унесены волнами. Разве только палубу разломать? Но с этим мы не справимся, да и не успеем, пожалуй. Нет, не годится... Вот что можно сделать: протянуть через скалы канат и привязать его конец к выступу на одной из них. Таким способом, пожалуй, можно будет добраться до берега.

– А кто потащит канат?

– Я, – отвечал Бриан.

– Я тебе помогу.

– Нет, я отправлюсь один, – возразил Бриан.

– Ты возьмешь лодку.

⁸ Лот – устройство для измерения морской глубины, состоящее из свинцовой или чугунной гири и привязанного к ней троса – лотлиния с делениями.²⁵

– Нет, я боюсь ее повредить или даже совсем разбить. Лучше сохраним ее как последнее средство.

Приступая к исполнению своего смелого плана, Бриан принял некоторые полезные предосторожности.

На яхте имелись пробковые спасательные пояса, которыми Бриан и снабдил малышей – на случай, если им придется сойти с яхты, прежде чем вода окончательно спадет. Предполагалось, что они будут держаться на воде при помощи поясов, а старшие будут толкать их к берегу, держась сами за канат.

Было четверть одиннадцатого. До окончания отлива оставалось три четверти часа. Около яхты вода была уже не выше четырех-пяти футов, но на дальнейшее понижение уровня рассчитывать не приходилось. Впрочем, ближе к берегу дно немного поднялось – это было заметно по темному цвету воды и по все более многочисленным верхушкам подводных скал, выступавшим из воды. Следовательно, главная задача заключалась в том, чтобы переплыть глубокое место около яхты и добраться туда, где можно было бы достать ногами до дна. Затем, укрепив канат на скале, можно было и самим добраться благополучно до берега, и перетащить тюки с провизией и необходимыми вещами.

На яхте было много длинных буксирных канатов. Выбрав один из них, средней толщины, Бриан разделся и обвязал конец каната вокруг пояса.

– Эй, ребята! – крикнул Гордон. – Приготовьтесь разматывать канат!

Донифан, Вилькокс, Кросс и Вебб не могли отказаться от участия в предприятии, польза которого для всех была очевидна, и послушно отправились исполнять приказание Гордона.

Когда Бриан подошел к борту, к нему подбежал его маленький братишка. Он плакал и испуганно кричал:

– Братец!.. Братец!..

– Не бойся, Жак, со мной ничего не случится, – успокаивал его Бриан.

Еще секунда – и он уже плыл по воде, с силой рассекая волны; канат разматывался позади него.

Даже при спокойном море плыть в этом месте было очень опасно, потому что прибой по-прежнему свирепо плескался об утесы. Встречные и поперечные течения мешали отважному мальчику держаться на прямой линии, и он с трудом преодолевал их.

Однако Бриан понемногу приближался к берегу, тогда как его товарищи продолжали разматывать канат. Вскоре стало заметно, что пловец начинает выбиваться из сил, хотя он отплыл от яхты не более пятидесяти футов. Впереди его ждал водоворот, производимый двумя встречными течениями. Если Бриану удастся миновать его, тогда, быть может, он достигнет цели, потому что дальше море было уже спокойнее. Из всех сил мальчик бросился влево, но эта попытка ни к чему не привела. Тут не справился бы даже взрослый и опытный пловец. Течение подхватило Бриана и понесло в самую середину водоворота.

– Тащите!.. Тащите!.. – успел только крикнуть он, прежде чем скрыться под водой.

Товарищи потащили канат и, спустя минуту, подняли Бриана на борт. Он был без чувств, но вскоре очнулся на руках у своего маленького брата.

Попытка протянуть канат между кораблем и скалами не удалась. Повторить ее никто не решался. Оставалось ждать... Но чего же? Помощи? Откуда?..

Шел уже первый час пополудни. Снова начинался прилив, и прибой заметно усиливался. Стояло новолуние, поэтому следовало ожидать особенно мощного прилива. Яхту опять поднимут волны и бросят назад, на подводные камни... Никто из пассажиров не уцелеет... И ничего нельзя сделать, ничего...

Все мальчики собрались на корме и с тоской глядели на море, которое заметно прибывало и заливало торчавшие из воды утесы. Ветер усилился и снова дул с запада, к берегу. Волны

вздымались все выше и все крепче били по яхте. Только чудо могло спасти юных мореплавателей. Они плакали и молились...

К двум часам вода подняла яхту, и она перестала крениться. Но зато теперь ее передняя часть от качки начала биться об дно; толчки постепенно усиливались, и в такт им громко трещал корпус бедной «Мэри». Дети хватались друг за друга, чтобы не вылететь за борт...

И вдруг...

С моря набежала огромная, футов в двадцать, волна, бешено налетела на яхту, высоко подняла ее и понесла над утесами, причем «Мэри» снова не задела ни за один из них.



Течение подхватило Бриана и понесло в самую
середину водоворота.

Волна вынесла яхту на самую середину побережья. «Мэри» ударилась о песок и встала. Под ней была твердая земля, а волна, словно сделав дело, отхлынула назад, оставив всю отмель сухой.

III

Пансион Ричмонда в Окленде. – Большие и маленькие. – Яхта «Мэри». – Ночь на 15 февраля. – Буря. – Поиски в Окленде. – Что осталось от яхты

В конце тысяча восемьсот пятидесятых – начале шестидесятых годов в городе Окленде, в Новой Зеландии, был хорошо известен частный пансион Ричмонда. В нем обучалось до сотни мальчиков, принадлежавших к лучшим семействам. Туземные дети в этот пансион доступа не имели – для маори⁹ имелись другие школы. У Ричмонда воспитывались только англичане, французы, американцы, немцы – дети европейских колонистов, купцов, землевладельцев и чиновников. Порядки в пансионе были английские, он был устроен по типу средних учебных заведений Соединенного Королевства.

Новозеландский архипелаг состоит из двух крупных островов – Северного, или, по-майорийски, Те Ика а Мауи, и Южного, или Те Ваи Паунаму, отделенных друг от друга Куковым проливом и простирающихся от 34° до 45° южной широты.

Остров Ика а Мауи, сильно расчлененный в южной своей части, имеет вид неправильной трапеции, которая тянется на северо-запад по кривой линии, оканчивающейся мысом Ван Димена.

У начала этой кривой линии, в том месте, где полуостров имеет в ширину всего несколько миль, стоит город Окленд. Положение Окленда очень похоже на положение греческого Коринфа, и потому его иногда называют «Австралийским Коринфом». Город имеет две гавани, одну на западе, другую на востоке. Восточная гавань (при заливе Гаураки) неглубока и доступна лишь для не очень больших кораблей. Пристань носит название Коммерческой, и к ней примыкает Королевская улица – одна из главных в городе.

На этой улице и находился пансион Ричмонда.

15 февраля 1860 года из пансиона выходила веселая толпа школьников, сопровождаемых родителями и родственниками. Мальчики были веселы, точно птицы, выпущенные из клетки.

В этот день в пансионе начинались каникулы. Школьники предвкушали сладость двух месяцев свободы. Некоторым из них предстояло еще и путешествие по морю, о чем в пансионе уже давно шли оживленные толки. Нечего и говорить, как завидовали товарищи тем счастливым, родители которых имели достаточно средств, чтобы купить для своих сыновей место на яхте «Мэри», готовившейся совершить плавание вокруг берегов Новой Зеландии.

Эта чудесная яхта была зафрахтована родителями учеников для шестинедельного плавания. Она принадлежала отцу одного из школьников, мистеру Вильяму Гарнету, бывшему капитану, на опыт и искусство которого вполне можно было положиться. Для покрытия издержек на путешествие среди родителей учеников была открыта подписка, позволившая собрать более чем достаточную сумму для того, чтобы обеспечить юным путешественникам всевозможный комфорт и полнейшую безопасность.

В английских учебных заведениях воспитательная система совершенно непохожа на принятую во Франции. В Англии ученикам предоставляется гораздо больше самостоятельности и относительной свободы, что весьма благоприятно влияет на развитие их характера.

Английские школьники гораздо меньше времени, чем у нас, остаются на положении детей, и их воспитание идет рука об руку с обучением. Вследствие этого английские мальчики по большей части бывают вежливы, внимательны, аккуратны и – что особенно ценно – мало склонны ко лжи и заpiresательству даже в тех случаях, когда им грозит справедливое наказание за проступок.

⁹ Маори – коренные жители Новой Зеландии.³⁰

Относительно внутреннего быта пансиона нужно заметить, что в английских школах ученики весьма редко живут в общих комнатах; в большинстве случаев у каждого своя спальня, где каждый имеет право пить утренний и вечерний чай, не выходя в общую столовую. За обедом и завтраком позволено разговаривать сколько угодно – в пределах приличия, разумеется.

Воспитанники делятся по возрасту на отделения, которых в пансионе Ричмонда было пять. В первом и втором отделениях были самые маленькие мальчики, а в трех последних – подростки. Надзиратели не находились безотлучно при учениках, читать позволялось сколько угодно, уроков слишком больших и трудных не задавалось. Гимнастике, боксу и всевозможным играм отводилась большая роль. Но зато в ходу были телесные наказания, причем главное место занимали розги. Впрочем, быть высеченным не считалось позорным, и юные англосаксы безропотно подчинялись этой мере наказания, если сознавали, что оно вполне заслужено.

Англичане вообще крепко держатся старых традиций и обычаев и отменяют их крайне редко. В английском школьном быту тоже существует несколько таких укоренившихся обычаев, которые процветают, несмотря на громкие протесты многих людей с прогрессивными взглядами. Таков, в частности, обычай прислуживания младших учеников старшим.

Старшие ученики обязаны покровительствовать младшим и наставлять их, но зато последние, в свою очередь, должны оказывать своим покровителям разного рода мелкие услуги и выполнять всевозможные поручения. Такие ученики называются фагами¹⁰; обычно это мальчики из двух младших отделений. Если кто-нибудь из них откажется быть фагом, товарищи могут основательно испортить ему жизнь. Но таких отказов почти не бывает: быть фагом не считается унижением, напротив, это считается вполне естественным и даже необходимым. От этой повинности новичка не может освободить никакое общественное положение его родителей; старинному обычаю в равной степени подчиняются и сыновья пэров, и дети мелких лавочников.

Ученики, собиравшиеся путешествовать на яхте «Мэри», были из разных отделений пансиона Ричмонда. Мы уже знаем, что возраст пассажиров яхты был от восьми до четырнадцати лет. И вот эти-то мальчики, включая еще юнгу Моко, были унесены бурей и брошены на волю случая.

Пора, однако, познакомить читателя с возрастом, характером, способностями и общественным положением каждого из юных путешественников, собиравшихся весело провести каникулы, но очутившихся в самом бедственном положении.

За исключением двух французов, братьев Бриан, и американца Гордона, все остальные пассажиры-школьники были англичане.

Двоюродные братья Донифан и Кросс принадлежали к богатым семействам из высшего оклендского общества. Им было лет по тринадцать с небольшим; оба числились в пятом отделении. Донифан был довольно красивый мальчик, он очень заботился о своей внешности. Способный, неглупый и прилежный, он учился главным образом для того, чтобы быть выше всех, чтобы первенствовать над товарищами. Он немного важничал и корчил из себя аристократа, за что товарищи в насмешку называли его «лорд Донифан».

Самолюбивый, властный Донифан часто вступал в столкновения с Брианом. Соперничество между ними началось давно и за последнее время усилилось, поскольку Бриан стал мало-помалу приобретать все большее влияние на товарищей в ущерб авторитету Донифана.

Что касается Кросса, то этот мальчик ничем особенным не отличался. Ученик он был посредственный. Главное, он был проникнут восторгом и обожанием к своему двоюродному брату, с которого брал пример решительно во всем и на все смотрел его глазами.

¹⁰ Фагами в частных школах-пансионах называли младшеклассников, которые прислуживали ученикам старших классов. В обязанности фагов входили чистка обуви, растопка камина, мытье посуды. Они также должны были вовремя разбудить своего старшеклассника, чтобы тот не проспал начало занятий.³³

Бакстер, из того же отделения, – хладнокровный, рассудительный тринадцатилетний мальчик, очень прилежный ученик и необыкновенно способный к разным ручным работам. Его отец был купец средней руки.

Вебб и Вилькокс, двенадцати с половиной лет, принадлежали к четвертому отделению. Способностей оба они были средних, но своевольны, из-за чего часто ссорились с товарищами и были особенно требовательны к своим фагам. Отцы их были богаты и занимали важные должности в местном управлении.

Гарнет и Сервис, двенадцатилетние мальчуганы, числились в третьем отделении и были очень дружны между собой. Отец Гарнета – отставной капитан, а отец Сервиса – богатый колонист из Норт-Шора, городка неподалеку от Окленда. Оба жили в Норт-Шоре и были большими друзьями; таким образом, дружба отцов продолжалась в их детях.

Гарнет и Сервис были хорошие мальчики, но ленивые ученики. Гарнет очень любил играть на аккордеоне и занимался музыкой больше, чем уроками, а Сервис считался первым шалуном и весельчаком в школе; начитавшись «Робинзона Крузо», он бредил путешествиями и приключениями.

Два мальчика девяти лет – Дженкинс, сын председателя новозеландского ученого общества, и Айверсон, сын пастора при церкви Св. Павла, – были в числе лучших учеников пансиона. Один учился в третьем, а другой во втором отделении.

Остается упомянуть еще о двух мальчиках, Доле и Костаре. Эти были самые маленькие, лет по восемь, сыновья офицеров местных войск. Их родители жили в городке Учунге, в шести милях от Окленда. Об этих «малышах», как их называли, ничего нельзя сказать, кроме того, что Доль был страшный упрямец, а Костар – большой лакомка. Особенными успехами в своем первом отделении они не блистали, но гордились тем, что умеют читать и писать, – впрочем, для восьмилетнего возраста это не такая уж большая заслуга.

Итак, все юные пассажиры «Мэри», как видит читатель, принадлежали к весьма почтенным семействам, давно поселившимся в Новой Зеландии.

Мы только упомянули, но еще не сказали ни слова о трех остальных мальчиках, из которых двое были французы, а третий – американец.

Американцу Гордону было четырнадцать лет. В его фигуре и манерах уже проглядывала неуклюжесть «настоящего янки». Однако, несмотря на свою неловкость и неповоротливость, он бесспорно был самым основательным из всех своих товарищей. Не будучи таким блестящим юношей, как Донифан, он обладал верным взглядом на вещи и практической сметкой, которая обнаруживалась у него и в важных жизненных обстоятельствах, и в мелочах. Он был серьезным, спокойным и наблюдательным мальчиком. Гордон был аккуратен до мелочности; даже мысли размещались в его голове в таком же образцовом порядке, как книги и тетради на письменном столе. Товарищи любили и уважали его, несмотря на то, что он был американец, а они – по большей части – англичане.

Гордон был родом из Бостона; он рано лишился отца и матери и был взят на воспитание дядей, который раньше служил в Новой Зеландии американским консулом и, нажив себе там состояние, поселился на маорийских островах навсегда. Уже несколько лет дядя Гордона почти безвыездно жил в красивой вилле на горе возле селения Маунт-Сент-Джон.

Французы Бриан и Жак были детьми инженера, года три назад приехавшего на Северный остров руководить работами по осушению болот. Старшему было тринадцать лет. При больших способностях он не отличался трудолюбием и нередко оказывался последним учеником в пятом отделении. Но когда, бывало, он захочет, то сразу поднимается на первое место – к великой досаде Донифана, с которым он никак не мог ужиться. Мы это уже знаем на примере спора из-за ялика. Характер у Бриана был смелый, предприимчивый; как настоящий француз, он был очень жив, остроумен, находчив в спорах, но при всем том услужлив, добр и никогда не важничал, как Донифан.

Была у него еще одна благородная черта: он постоянно защищал слабых, выступая против сильных, злоупотреблявших своей властью. Будучи новичком, он отказался стать фагом. Из-за этого Бриану пришлось в свое время выдержать немало драк, но в конце концов он отстоял свою самостоятельность.

Товарищи его очень любили, и когда в сложившихся известным образом обстоятельствах возник вопрос о том, кому управлять яхтой «Мэри», большинство охотно согласилось повиноваться Бриану, хотя некоторые горячо восставали против его первенства. Но им пришлось все-таки уступить голосу благоразумия, поскольку из всех школьников один Бриан имел кое-какое понятие о корабле, о его ходе и снаряжении, так как он уже совершил одно плавание из Европы в Новую Зеландию.

Младший брат Бриана Жак ничем особенно не отличался, кроме того что был отчаянным шалуном, не хуже Сервиса. Вечно он придумывал какие-нибудь проказы и вечно попадал под наказание. Но со времени отплытия на «Мэри» его характер вдруг круто изменился. Мальчик стал гораздо тише, серьезнее, и никто не мог понять, с чем связана эта внезапная перемена.

Таковы были мальчики-пансионеры, выброшенные морем на какую-то неведомую землю в Тихом океане.

Каким же образом очутились они в том бедственном положении, в котором мы их застали?

А вот каким.

Во время предполагавшейся увеселительной поездки вдоль берегов Новой Зеландии яхтой собирался командовать сам ее хозяин, отец Гарнета, один из самых опытных и отважных яхтсменов австралийских морей. Много раз его «Мэри» появлялась и в Новой Голландии, и в Новой Каледонии, от Торрессова пролива до южных оконечностей Тасмании. Видали ее и у Молуккских островов, и у Филиппинских, и в водах Целебеса, где нередко погибали даже крепкие большие корабли. Но яхте ничего не делалось – она была отлично построена, необыкновенно прочна и стойко выдерживала самые сильные бури.

Экипаж состоял из боцмана, шестерых матросов, повара и юнги – уже известного нам Моко, двенадцатилетнего негритенка, семейство которого несколько лет находилось в услужении у одного новозеландского колониста. Нельзя не упомянуть еще о прекрасной охотничьей собаке по кличке Фанн, принадлежавшей Гордону. Пес любил своего хозяина и не отходил от него ни на шаг.

Отплытие было назначено на 15 февраля. «Мэри» стояла у самого края Коммерческой пристани, довольно близко к выходу из гавани.

Юные пассажиры явились на яхту 14 числа вечером. Матросов на борту еще не было. Капитана Гарнета ожидали лишь к самому отплытию. Мальчиков встретили только боцман и юнга; остальные матросы сошли на берег – распить последнюю бутылочку виски. Когда пассажиры разместились по каютам и улеглись спать, боцман тоже счел возможным сойти на берег и присоединиться к товарищам в том трактире, где они собрались. Этот неосторожный поступок он усугубил еще тем, что засиделся в трактире до поздней ночи.

Что касается юнги, то он преспокойно завалился спать.

Что же последовало далее? Неизвестно по какой причине, но канат, которым яхта была пришвартована к пристани, вдруг оказался отвязанным или перерезанным.

Что это было? Злой умысел или небрежность? Трудно сказать. Быть может, мы этого так никогда и не узнаем...

На яхте никто ничего не заметил.

Гавань и залив Гаураки окутывал густой мрак. С земли дул сильный ветер, и яхта, подхваченная отливом, который быстро вынес ее с рейда, устремилась в открытое море.

Когда юнга проснулся, он заметил, что «Мэри» сильно качает, – слишком сильно для обычного волнения в гавани. Моко выбежал на палубу... О, ужас! Яхта мчалась по морю по воле волн и ветра!

Юнга отчаянно закричал. Гордон, Бриан, Донифан и другие бросились к нему наверх и принялись изо всех сил кричать и звать на помощь. Напрасно – их никто не мог слышать. Вдали не было видно даже огней города и гавани. Яхта уже успела уйти от берега мили на три.

По решению Бриана и Моко мальчики попробовали поставить парус, чтобы вернуться в гавань, но не сумели с этим справиться, и яхта лишь еще быстрее помчалась по морю.

Положение было критическое. На помощь с земли надеяться не приходилось.

Если бы даже из гавани и вышел какой-нибудь корабль в погоню за детьми, он не смог бы их догнать раньше, чем через несколько часов, а до тех пор что им делать? Но даже если бы корабль и догнал их, как бы он отыскал маленькую яхту в такой темноте, что хоть глаз выколи, когда и днем-то ее трудно было бы заметить на бесконечном океанском просторе?

Оставалось одно – выпутываться из беды своими собственными силами. Но дети не умели управлять парусами и не смогли бы заставить яхту идти против ветра. Если ветер не переменится, им ни за что не вернуться к берегу.

Мелькнула последняя надежда: не встретится ли им какой-нибудь корабль, идущий в Новую Зеландию? Моко влез на фок-мачту и выставил на ней фонарь – на всякий случай.

Маленьких не будили, благо сами они не проснулись от шума. Их испуг, если бы они тоже выбежали на палубу, только увеличил бы тревогу.

Ребята все-таки сделали несколько попыток поставить яхту под ветер, но эти попытки ни к чему не привели.

Вдруг впереди показался свет, явно от белого фонаря на верхушке мачты – сигнал идущего парохода. Вскоре показались и два других установленных огня – зеленый и красный. Так как их было видно оба сразу, это значило, что пароход идет прямо на яхту.

Тщетно мальчики надрывали себе легкие отчаянным криком. Шум волн и вой усилившегося ветра совершенно заглушали их голоса.

Итак, матросы их не слышали. Но вахта – не заметит ли она выставленный на мачте сигнал?

Как назло, яхту вдруг сильно качнуло, фонарь упал с мачты и разбился. Таким образом, не осталось ни малейшего признака, который указал бы команде парохода на присутствие вблизи от него «Мэри».

Прошло несколько секунд. Пароход, шедший на большой скорости, столкнулся с яхтой, но, к счастью, он только слегка задел корму, иначе «Мэри» непременно пошла бы ко дну. Корпус не был пробит, только обшивка немного пострадала и отскочила часть доски с надписью «Мэри».

Столкновение было настолько слабым, что пароход просто не заметил его и прошел мимо, оставив «Мэри» на произвол судьбы.

К сожалению, капитаны довольно часто не оказывают никакой помощи кораблям, с которыми у них произошло столкновение. Такое отношение к пострадавшим преступно, возмутительно, но оно, увы, встречается сплошь и рядом. В данном случае, однако, очень возможно, что на пароходе действительно не заметили столкновения с легкой яхтой, которой совсем не было видно в темноте.

Мальчики понимали, что им грозит неминуемая гибель.

Настало утро, взошло солнце и осветило необозримый океан. Нигде не было видно ни одного корабля. В этой части Тихого океана корабли встречаются редко, так как из Америки в Австралию и обратно они по большей части проходят несколько севернее или южнее.

Снова настала ночь. Она была еще хуже предыдущей; ветер по-прежнему дул с запада, хотя временами и ненадолго стихал.

Ни Бриан, ни его товарищи не могли даже приблизительно рассчитать, долго ли им придется так плыть. Тщетно делали они многократные попытки повернуть яхту в новозеландские воды, – не умея управлять кораблем, они постоянно терпели неудачу. К тому же у них и сил не было толково поставить паруса.

В этих условиях Бриан, проявивший необыкновенную для своего возраста энергию, начал приобретать большое влияние на товарищей, которому в первое время подчинился даже Донифан.

Хотя юному французу и не удалось направить яхту к Новой Зеландии, однако с помощью Моко он добился того, что «Мэри» была поставлена в сносные для плавания условия. Он, не щадя себя, бодрствовал день и ночь и упорно отыскивал глазами на горизонте какой-нибудь спасительный признак. Кроме того, он бросил в море несколько бутылок с записками о судьбе «Мэри». Конечно, большого успеха от этой меры ожидать не приходилось, но и пренебрегать ею все же не следовало.

Западный ветер продолжал гнать яхту по Тихому океану, и пассажиры по-прежнему не имели возможности ни замедлить ее ход, ни придать ей определенное направление.

Спустя несколько дней после выхода из залива Гаураки разразилась сильная буря, свирепствовавшая целых две недели. Яхта стойко выдержала ярость волн и уцелела только благодаря своей необыкновенной прочности. А под конец, как мы уже знаем, случайно пристала к какому-то берегу, омываемому Тихим океаном.

Что теперь будет с бедными школьниками? Какая участь ждет их на этой неведомой земле, удаленной на сотни, если не тысячи миль от Новой Зеландии? Откуда придет к ним помощь, и придет ли она вообще?..

А их родители? Увы, они считают своих детей погибшими вместе с яхтой – и вот почему.

Как только в Окленде заметили исчезновение яхты «Мэри» в ночь с 14 на 15 февраля, об этом немедленно дали знать капитану Гарнету и родителям несчастных детей. В городе, разумеется, поднялся переполох, начались бесконечные толки.

Надеялись, что яхта не успела уйти далеко, хотя, с другой стороны, все сильнее и сильнее дувший западный ветер наводил на самые печальные предположения.

Не теряя ни минуты, командир порта принял меры для оказания помощи яхте. В залив Гаураки и близлежащие воды были высланы два парохода, искавшие яхту всю ночь и наутро вернувшиеся в гавань ни с чем.

Всякая надежда исчезла. Приходилось признать, что свершилась ужасная, непоправимая катастрофа.

Действительно, хотя пароходы и не нашли «Мэри», однако они подобрали обломок от нее, а именно часть обшивки, отодравшейся при столкновении с перуанским пароходом «Квито», который этого столкновения даже не заметил.

На обломке виднелась часть букв названия «Мэри». Очевидно, яхта была разбита волнами и затонула вместе со всеми пассажирами милях в двадцати от новозеландского берега.

IV

Первые шаги на берегу. – Бриан и Гордон в лесу. – Неудачные поиски пещеры. – Первый обед. – Первая ночь. – Наличное имущество и припасы. – Первый завтрак

Берег был пустынным, каким он и представлялся Бриану, когда мальчик разглядывал его с мачты.

Вот уже больше часа прошло с тех пор, как яхта села на мель, а на берегу не было видно ни одного туземца. Ни под деревьями, росшими перед скалой, ни у берегов речки, вода которой сильно поднялась из-за прилива, не было видно ни малейшего признака какого-либо жилья. На песке не было заметно никаких человеческих следов. В устье речки не стояло ни одной лодки. Наконец, на всем пространстве между двумя мысами не поднималась вверх ни одна струйка дыма.

Первым делом Бриан с Гордоном решили пробраться через лес и подняться на скалу, если это окажется возможным.

– Вот мы и на твердой земле, это уже много значит! – сказал Гордон. – Но что же это за земля? Она, должно быть, необитаема.

– Для нас не так важно, живет ли на ней кто-нибудь. Важно только одно: можно ли вообще на ней прожить, – отвечал Бриан. – Провизия на первое время у нас есть, утварь тоже... Недостаёт только кровли над головой. Поэтому нам необходимо отыскать какое-нибудь убежище, хотя бы только для маленьких.

– Да, ты прав, – согласился Гордон.



— Вот мы и на твердой земле, это уже много значит! — сказал Гордон. — Но что же это за земля? Она, должно быть, необитаема.

— Что касается вопроса, куда, собственно, мы попали, то решить его мы всегда успеем потом. В данный момент он имеет для нас лишь второстепенное значение. Если это материк,

то мы, вероятно, рано или поздно найдем помощь... Ну, а если необитаемый остров, – будь что будет, там увидим... Пойдем-ка лучше на поиски, Гордон, сейчас это важнее всего.

Мальчики отправились в путь и очень скоро дошли до опушки леса, росшего между берегом и скалой. От устья речки опушка отстояла шагов на триста или четырехста.

В лесу тоже незаметно было ни малейшего человеческого следа и никакой тропинки. На земле валялись старые стволы, поваленные временем, и мальчики по колено увязали в мягком и толстом слое сухих листьев, вспугивая при своем приближении птиц, которые, похоже, уже научились бояться человека. Из последнего обстоятельства напрашивался вывод, что если берег и необитаем, то его, во всяком случае, время от времени кто-то посещает.

За десять минут мальчики прошли через весь лес, который становился все гуще по мере приближения к скалистой стене, круто возвышавшейся футов на двести от земли. Нет ли у основания этой стены какой-нибудь пещеры? Это было бы очень хорошо. Пещера могла бы служить убежищем от непогоды, и мальчики могли бы на время устроиться там со всем своим скарбом, а потом уже, если обстоятельства позволят, переселиться дальше, в глубь материка или острова.

К несчастью, после самого тщательного осмотра крутой скалы Бриан и Гордон не отыскали ничего похожего на пещеру. На гладкой стене не было и ни малейшей трещины, по которой можно было взобраться наверх. Для того, чтобы двигаться дальше, видимо, следовало обойти всю скалистую стену кругом.

С полчаса мальчики шли к югу вдоль подножия скалы и достигли правого берега речки, извилистое русло которой направлялось на восток (если смотреть против течения). На этом берегу росли густые деревья, тогда как на противоположном открывалась совершенно ровная и голая местность, которую можно было принять за болото.

Итак, надежды разведчиков не оправдались. Они вернулись к своей «Мэри» ни с чем, так и не побывав на вершине скалы, откуда рассчитывали осмотреть всю окрестность.

Поджидая их возвращения, Донифан и его друзья прогуливались по прибрежным утесам, а Дженкинс, Айверсон, Доль и Костар бегали и собирали раковины. Подойдя к старшим товарищам, Бриан и Гордон сообщили им о неутешительном результате своих изысканий. На общем совете было решено пока не отходить от яхты, которая хоть и была разбита в нижней части и имела широкую трещину в левом борту, однако вполне могла еще служить временным убежищем на том самом месте, где села на мель. Внутренние каюты не пострадали, и в них можно было укрыться от дождя и ветра; уцелела также и кухня – к великой радости маленьких, которых больше всего интересовал вопрос о том, как и что они будут есть.

Для мальчиков было большой удачей, что им не пришлось перетаскивать на берег вещи, необходимые для обустройства на неизвестной земле. Даже если допустить, что это им и удалось, то как это было бы опасно и трудно! Разбитую о подводные камни яхту море в самом скором времени разметало бы в щепки, и при этом, конечно, погибла бы большая часть имущества. К счастью, этого не случилось: прилив перебросил «Мэри» на мель за скалами. И хотя яхта уже потеряла способность к плаванию, на ней можно было жить, так как ее верхние части не пострадали от удара, а нос крепко сидел в песке, так что прилив уже не мог ее сдвинуть.

Разумеется, с течением времени солнце и дождь завершили бы разрушение «Мэри» и она перестала бы годиться даже для временного убежища, но до тех пор мальчики надеялись отыскать какое-нибудь селение, если земля обитаема, а если нет, то какую-нибудь пещеру.

Итак, на первое время всего лучше было как-нибудь устроиться на яхте. Так мальчики и сделали. Они спустили с борта веревочную лестницу, по которой маленькие влезли на корабль. Моко, в качестве юнги научившийся кое-как готовить, и Сервис, любивший всякую стряпню, занялись приготовлением обеда.

Когда обед поспел, все с удовольствием принялись за еду, и трапеза прошла очень весело. Дженкинс, Айверсон, Доль и Костар, насытившись, принялись за шалости, но Жак Бриан, быв-

ший в пансионе первым зачинщиком всяких проказ, теперь сидел смирно. Все удивлялись этой внезапной перемене и приставали к мальчику с расспросами, но тот постоянно отмалчивался и продолжал держаться в стороне от своих резвых товарищей.

Наконец все почувствовали утомление после стольких тревог и трудов, всем захотелось спать. Маленькие первыми разошлись по каютам, за ними ушли и старшие. Только Бриан, Гордон и Донифан решили дежурить по очереди на случай неожиданного появления диких зверей или туземцев, от которых не следовало ожидать добра. Но опасения мальчиков оказались напрасными: ночь прошла совершенно спокойно, и когда взошло солнце, юные мореплаватели принялись за работу.

Прежде всего, нужно было осмотреть и проверить все, что находилось на яхте, – провизию, оружие, инструменты, утварь, одежду и т. п. Важнее всего был вопрос о пище, так как берег казался совершенно пустынным. Самое большее, на что можно было рассчитывать, это на рыбную ловлю и охоту. Но только есть ли здесь хоть какая-нибудь дичь? Донифан был хорошим охотником, но до сих пор он не обнаружил никаких следов дичи на берегу. Питаться одними морскими птицами – это, конечно, возможно, но не слишком заманчиво. Поэтому необходимо было по возможности точно определить, на какое время хватит имеющихся на яхте припасов.

Произведенная проверка показала, что за исключением сухарей, которых было очень много, всей остальной провизии – окороков, солонины, муки, консервов – хватит самое большее на два месяца, да и то при самой строгой экономии. Следовательно, необходимо с первых же дней начать пользоваться тем, что можно добыть на острове, чтобы как можно дольше сохранить запасы продуктов с яхты.

– Только бы наши консервы не испортились, – заметил Бриан. – Если вода проникла в трюм, это очень возможно.

– Увидим, когда откроем ящики, – отвечал Гордон. – Может быть, их содержимое удастся как-то спасти, например, заново проварить или пережарить, и тогда оно снова будет годно к употреблению.

– Я за это возьмусь, – сказал Моко.

– Берись, так приступай поскорее, потому что первые дни нам наверняка придется питаться только тем, что найдется на яхте, – решил Бриан.

– А почему бы нам сегодня же не сходить на утесы и не набрать там птичьих яиц, годных в пищу? – предложил Вилькоккс.

– Да! Да! – закричали Доль и Костар.

– А почему бы также и рыбы не наловить? – прибавил Вебб. – Разве на яхте нет удочек, а в море рыбы? Господа, кто хочет со мной на ловлю?

– Я! Я! – закричали маленькие.

– Отлично, – сказал Бриан. – Только ведь это не игра, не забава, и мы дадим удочки только тем, кто не будет шалить.

– Не беспокойся, Бриан, – отозвался Айверсон. – Мы знаем, что это не игра, а важное дело, и будем вести себя хорошо.

– Все это прекрасно, но сперва нужно осмотреть все, что у нас есть на яхте, – сказал Гордон. – Ведь следует подумать не об одной только еде...

– На завтрак можно набрать раковин с моллюсками, – заметил Сервис.

– Ладно, – согласился Гордон. – Ступайте, малыши. Моко, ты пойдешь с ними.

– Да, господин Гордон.

– И присмотри за ними как следует, – прибавил Бриан.

– Не беспокойтесь!

Юнга был услужливый, расторопный и толковый мальчик, на него вполне можно было положиться. Впоследствии он оказал нашим мореплавателям немало услуг. Моко был особенно предан Бриану, который, в свою очередь, очень любил шустрого юнга, в чем открыто

признавался, шокируя этим своих англо-саксонских товарищей, которые симпатию к негру считали ниже своего достоинства.

– Идем! – воскликнул Дженкинс.

– А ты, Жак, разве не пойдешь с ними? – спросил Бриан брата.

– Нет, не пойду, – отвечал Жак.

Дженкинс, Доль, Костар и Айверсон отправились под надзором юнги к прибрежным утесам. В щелях между рифами они рассчитывали набрать моллюсков, раковин и, может быть, даже устриц. Вареные или даже сырые, эти раковины могли составить хорошую добавку к предстоящему завтраку. Мальчики шли, весело подпрыгивая, – в этом походе их занимала не столько полезная, сколько забавная сторона. Ведь они все-таки были еще маленькими и не могли надолго задумываться о предстоящих в будущем опасностях и трудах.

Как только маленькие ушли, старшие продолжили обследование яхты. Донифан, Кросс, Вилькокс и Вебб проверяли оружие, заряды, одежду и утварь, а Бриан, Гарнет, Бакстер и Сервис пересчитывали бочки с вином, элем, водкой, джином. Гордон ходил от одной группы к другой и каждый осмотренный предмет записывал в специально заведенную для этого книжечку.

На яхте среди прочего обнаружился полный набор запасных парусов, снастей и канатов. Если бы яхта была в пригодном для плавания состоянии, ее легко можно было оснастить заново. Но поскольку такой необходимости не предвиделось, все эти паруса и веревки можно было применить для других целей, когда придет время устроиваться на берегу. Нашлись также снасти для рыбной ловли, что было очень кстати.

Из оружия Гордон занес в свою книжку восемь винтовок центрального боя, длинную дальнобойную охотничью двустволку и двенадцать револьверов; далее оказалось налицо: триста патронов, два бочонка пороха и значительное количество свинца, дробы и пуль. В крьюйт-камере¹¹ нашлось также много сигнальных ракет и тридцать штук ядер для имевшихся на яхте двух небольших пушек. В случае – не дай бог! – нападения диких туземцев у наших школьников было чем обороняться.

Одежды и посуды оказалось вполне достаточное количество даже для очень продолжительного пребывания на необитаемой земле. Одежда имелась – и хлопчатобумажная, и фланелевая, и драповая, так что она годилась и для лета, и для зимы. Оказалось также много белья, одеял, подушек, матрасов – одним словом, домашний комфорт ребятам был обеспечен надолго.

Надолго! Страшное слово. Кто знает, может быть, юным воспитанникам Ричмонда придется даже остаться на неведомом берегу навсегда...

Из морских инструментов в записную книжку Гордона попали два барометра-анероида, спиртовой стоградусный термометр, двое морских часов, несколько медных переговорных труб, которыми можно пользоваться в темноте и во время тумана, три подзорные трубы, три компаса, штормглас¹² для предсказания бури и несколько английских флагов, не считая сигнальных флажков. Наконец, нашлась также каучуковая лодка, которую можно складывать, как чемодан. Такие лодки используются для переправы через реки и озера.

Что касается столярных и слесарных инструментов, то на яхте отыскался целый сундук с пилами, буравами, молотками, гвоздями и прочими приспособлениями. Нашлись также швейные принадлежности и достаточный запас спичек и трута.

Далее, нашлись географические карты, французские и английские книги (преимущественно о путешествиях), бумага, карандаши, перья, чернила и даже календарь на 1860 год, в котором Бакстеру было поручено вычеркивать каждый прошедший день.

¹¹ Крьюйт-камера – пороховой погреб на корабле.

¹² Штормглас, или бароскоп – химический метеорологический прибор.⁵²

– Наша бедная «Мэри» выброшена на берег 10 марта, – сказал он. – Я вычеркну десятое марта и все предыдущие дни этого года.

Наконец остается упомянуть о пятистах франках золотой монетой, найденных в одной шкатулке. Эти деньги могли пригодиться в том случае, если мальчикам удалось бы добраться до какой-нибудь гавани и нанять корабль для возвращения домой.

Затем Гордон приступил к тщательной проверке бочек, сложенных в трюме. Многие из них, с вином, джином и элем, разбились при столкновении, и их содержимое разлилось. Потеря была невосполнимая, нужно было поскорее принять меры к сохранению хотя бы того, что уцелело.

Всего на яхте оставалось около ста галлонов¹³ вина и шерри, пятьдесят галлонов джина, бренди и виски и сорок бочонков эля по 25 галлонов каждый, да еще бутылок тридцать с разными ликерами. Эти бутылки были завернуты в солому, и потому ни одна из них не разбилась.

Таким образом, малолетние пассажиры «Мэри» могли быть совершенно спокойны: на первое время их существование обеспечено. Теперь оставалось только тщательно исследовать местность – не найдется ли на берегу чего-нибудь, что позволит как можно дольше сберечь наличные припасы.

Если буря выкинула мальчиков на остров, то им нельзя было рассчитывать на скорое возвращение домой, разве только в эти воды случайно зашел бы какой-нибудь корабль, которому они могли бы дать знать о своем присутствии сигналами.

Ремонтировать яхту было бессмысленно: у мальчиков не было для этого ни сил, ни необходимых навыков, к тому же они не имели и ни малейшего понятия о кораблестроении. Но даже если бы им и удалось как-то починить «Мэри» – как бы они вышли в Тихий океан, не зная даже азов мореплавания? Если бы на яхте уцелели шлюпки, мальчики могли бы выйти на них в море и поискать какую-нибудь гавань. Но все лодки были унесены бурей, а что можно предпринять с одним яликом? Самое большее, на что он мог пригодиться, это плавать на нем около берега.

К полудню младшие вместе с Моко возвратились на яхту. Они поработали на славу и принесли с собой большой запас раковин, которые Моко взялся приготовить. Яиц они не принесли, но Моко полагал, что на берегу их должно быть немало, так как он видел множество голубей, по всей вероятности, гнездившихся где-нибудь в расселинах большой скалы.

– Хорошо, – сказал Бриан. – Как-нибудь утром мы устроим большую охоту.

– И вот увидите, охота будет удачная, – прибавил Моко. – А до гнезд можно как-нибудь добраться с помощью веревок.

– Прекрасно, – сказал Гордон. – В таком случае, почему бы и Донифану завтра же не пойти на охоту?

– Я очень рад, – отвечал Донифан. – Со мной пойдут Кросс, Вебб и Вилькоккс. Хотите, господа?

– С удовольствием, с удовольствием, – поспешили заявить мальчики, обрадованные возможностью поохотиться.

– Только я не советовал бы вам стрелять много голубей, – заметил Бриан. – Когда понадобится, можно будет снова пойти на охоту, поэтому не стоит слишком быстро расходовать свинец и порох.

– Ладно тебе, – ответил Донифан, не терпевший никаких замечаний, в особенности от Бриана. – Мы сами знаем, что делать, и не нуждаемся в советах!

Час спустя Моко объявил, что завтрак готов, и все побежали в столовую. Поскольку яхта остановилась в наклонном положении, обеденный стол тоже сильно кренился на один бок, но уже привыкшие к корабельной качке мальчики не обращали на это внимания. Ракушки всем

¹³ Галлон – мера объема, примерно 4,5 литра.⁵³

очень понравились, хотя приготовлены были, говоря по правде, неважно, – ведь проголодавшиеся молодые желудки вообще не слишком требовательны. Кроме раковин каждому досталось еще по сухарю, по куску говядины и по стакану воды с несколькими каплями виски.

Остальная часть дня прошла в хлопотах по приведению в порядок трюма и разборке вещей. Маленькие тем временем ловили рыбу у берега. После ужина все улеглись спать, кроме Бакстера и Вилькокса, которые в этот раз взяли дежурство на себя.

В общем-то, положение наших мальчиков было вовсе не так уж страшно. Многие мореплаватели терпели крушение при гораздо худших обстоятельствах, но все-таки выходили целыми из беды. Правда, в данном случае главная опасность заключалась в возрасте мореплавателей – ведь старшему из них было всего четырнадцать лет. Сумеют ли они выдержать суровую борьбу за существование? Будет ли она им по силам?

Сомнения на этот счет вполне уместны...

V

Остров или материк? – Разведка. – Непогода. – Бриан отправляется в путь. – Тюлени. – Пингвины. – На вершине мыса. – Три островка. – Синяя полоса на горизонте. – Возвращение на «Мэри»

Остров или материк? Вот вопрос, который больше всего занимал Бриана, Гордона и Донифана, по своему возрасту, уму, характеру и способностям естественно ставших во главе своих товарищей.

Они думали о будущем и нередко обсуждали между собой этот вопрос, тогда как остальные мальчишки интересовались только настоящим. Во всяком случае, неведомая земля, была ли она островом или материком, лежала не в тропическом поясе – это было видно по характеру растительности. Тут росли березы, клены, дубы, буки, сосны и ели, а эти деревья, как известно, не встречаются в центральных широтах Тихого океана. Представлялось весьма вероятным, что эта земля лежит где-то ближе к Южному полюсу, чем Новая Зеландия, и зимы здесь могут быть довольно суровыми. На земле уже валялись облетевшие с деревьев листья, и только сосны и ели сохраняли свою зелень.

– По-моему, – сказал Гордон на другой день после того, как яхта была превращена во временное жилище, – гораздо будет лучше окончательно устроиться не на этом берегу, а где-нибудь в другом месте.

– Я тоже так думаю, – согласился Донифан. – Если мы досидим здесь до холодов, то будет, пожалуй, поздно искать другое пригодное для жилья место.

– Но ведь сейчас еще только середина марта, – возразил Бриан.

– Хорошая погода может простоять до конца апреля, – продолжал Донифан. – Если мы отправимся сейчас, то за эти шесть недель успеем пройти много...

– Но куда же идти-то? – снова возразил Бриан.

– Куда-нибудь, во всяком случае, мы придем, – отвечал Донифан. – Оставаться на яхте и рисковать встретить на ней холода, по-моему, совершенное безумие.

– Нет, гораздо безумнее идти наугад, не зная толком куда и зачем.

Опять едва не вспыхнула перебранка, но вмешался Гордон и не допустил ее. Он сказал:

– Донифан прав: нельзя дожидаться холодов здесь. Но прав и Бриан, утверждая, что нельзя идти наугад.

– Да почему же нельзя, Гордон? – горячился Донифан. – Куда бы мы ни пошли – на север, на юг или на восток, мы все равно куда-нибудь да придем.

– Хорошо, если мы находимся на материке, – заметил Бриан. – А если это остров?..

– Вот и нужно сначала это проверить, – ответил Гордон. – Что же до совета Донифана покинуть яхту, то, не уверившись предварительно, есть ли на востоке море или нет...

– Яхта сама нас покинет, – перебил его Донифан, всегда упорно отстаивавший свои идеи. – Она не устоит против бурь, которые зимой будут свирепствовать на этом берегу.

– Согласен, но все-таки нужно сначала обстоятельно разведать, куда нам идти, а потом уже пускаться в путь, – возразил Гордон.

Справедливость доводов Гордона была настолько очевидна, что Донифан волей-неволей должен был согласиться с ним.

– Я готов идти на разведку, – сказал Бриан.

– Я тоже, – отозвался Донифан.

– Мы все готовы, – добавил Гордон, – но так как, по-моему, неблагоприятно брать с собой маленьких, то я полагаю, что отправиться надо двоим или троим из нас.

– Жаль, что поблизости нет никакого холма, с которого бы можно было окинуть взглядом всю местность, – сказал Бриан. – По-видимому, здесь нет ни одной горки, за исключением этой скалы, за которой, вероятно, лежат долины и болота.

– Все-таки нужно по возможности исследовать местность, – продолжал свою линию Гордон.

– Конечно, нужно, – согласился Бриан, – и я предлагаю пойти на север бухты. Мне кажется, что, поднявшись на замыкающий ее мыс, можно будет видеть довольно далеко...

– Я совершенно с тобой согласен, – сказал Гордон. – Этот мыс должен быть выше скалы. Насколько видно отсюда, он, наверное, высотой около трехсот футов.

– Я предлагаю идти туда, – повторил Бриан.

– К чему это? – возразил Донифан. – Что можно увидеть с мыса?

– То, что есть, то и увидим, – отвечал Бриан.

В самом деле, в северном конце бухты возвышался скалистый мысок, отвесно спускавшийся к морю. От яхты до мыса было миль семь, если идти берегом бухты, а напрямик – не более пяти миль. Предполагая высоту мыса футов в триста, Гордон был недалек от истины.

Достаточно ли было этой высоты, чтобы окинуть взглядом окрестности? Не встретит ли глаз какое-нибудь препятствие на востоке? Во всяком случае, с мыса можно было бы разглядеть, что находится за ним: продолжается ли берег далее к северу, или там лежит океан.

Решено было немедленно идти к мысу и взобраться на его вершину. Донифан – из духа противоречия – считал это предприятие совершенно бесполезным. Остальные надеялись, что от похода к мысу можно ожидать полезных результатов.

При этом мальчики договорились не покидать «Мэри» до тех пор, пока не обнаружатся несомненные признаки того, что мореплаватели выброшены на материк, а не на остров.

Разведку нельзя было предпринять немедленно, так как настали пасмурные дни с дождем и ветром. Пришлось переждать дней пять, которые, однако, не пропали даром: ребята провели их с пользой, занимая время различными работами.

Бриан считал своим долгом постоянно заботиться о маленьких мальчиках. Так как погода становилась все холоднее, он заставил их надеть теплую одежду из найденных на «Мэри» запасов, которую с помощью Моко перекроил и перешил на малышей. Конечно, нельзя сказать, что Костар, Доль, Дженкинс и Айверсон были одеты очень изящно – вовсе нет: панталоны и куртки были по большей части широки и сидели мешковато, но зато детям было в них тепло и они охотно дали себя переодеть.

В то же время младшим не давали сидеть без дела. Под присмотром Гарнета или Бакстера они ходили собирать раковины или ловить рыбу в речке. Это было для них забавой, а для всех – пользой. Развлекаясь такой работой, мальчуганы мало думали о своем положении и, к счастью, не подозревали, насколько оно опасно. Конечно, они скучали без своих родителей, но им и в голову не приходила возможность не увидаться с ними больше никогда.

Гордон и Бриан не покидали «Мэри», заботясь о ее поддержании в должном порядке. Им помогал шаловливый, но охотно работавший Сервис, который оказался очень полезен. Сервис любил Бриана и был одним из его преданных сторонников.

А что подельывал Жак Бриан?

Он усердно помогал своему брату во всех делах, но очень мало разговаривал, неохотно отвечал на задаваемые ему вопросы и постоянно отворачивался в сторону, когда на него смотрели.

Бриана это начинало беспокоить. Что случилось с Жаком? Прежде мальчик был всегда откровенен со своим старшим братом, а теперь от него нельзя было добиться ни слова. Можно было подумать, что мальчугана за какой-нибудь дурной поступок мучает совесть; щеки Жака были по большей части бледны, а глаза красны – очевидно, он часто плакал.

«Не болен ли он? Вот беда, если он заболит, – думалось Бриану, – как мы будем его лечить?»

И Бриан участливо расспрашивал братишку о здоровье, но тот неизменно отвечал:

– Нет, нет, ничего у меня не болит! Я совершенно здоров...

За эти пять пасмурных дней, с 11 по 15 марта, Донифан, Вилькоккс, Вебб и Кросс много охотились и настреляли много птиц, гнездившихся на скалах. Эти четверо постоянно были вместе и составляли как бы отдельную партию, что сильно беспокоило Гордона. Он часто подходил к ним и доказывал, как вредны раздоры при существующих обстоятельствах и как необходимо тесное сближение, но слова его принимались Донифаном так холодно, что Гордон наконец почел за лучшее не настаивать, надеясь, что обстоятельства сами собой сделают то, чего он не смог добиться своими увещеваниями.

Охота была очень успешной. Донифан превосходно владел ружьем, а Вилькоккс был мастер ловить птиц силками. Вебб стрелял хорошо, но далеко не так, как Донифан, а Кросс совсем не годился в стрелки и только аплодировал Донифану после каждого удачного выстрела. Охотникам изрядно помогала собака, достававшая подстреленных птиц из воды, если они падали туда.

Наконец 15 марта погода наладилась. Туман рассеялся, небо очистилось от туч, на гребне скалы заиграло солнышко. Теперь можно было надеяться, что с вершины скалистого мыса будет видно на достаточное расстояние. Идея этого похода принадлежала, как помнит читатель, Бриану, который и решил привести ее в исполнение в одиночку. Конечно, он охотно взял бы с собой Гордона, но ему не хотелось оставлять своих товарищей без надзора этого благо-разумного мальчика.

Вечером, поглядев на барометр и заметив, что он стоит на «ясно», Бриан предупредил Гордона, что намерен отправиться в путь, как только взойдет солнце. Пройти расстояние в десять или одиннадцать миль (считая туда и обратно) ничего не стоило для сильного, здорового юноши. Гордон был уверен, что Бриану будет вполне достаточно одного дня и что к вечеру он уже вернется.

Рано утром Бриан отправился в путь, причем о его намерении никто, кроме Гордона, заранее не знал. Юный исследователь взял с собой палку и – на всякий случай – револьвер. Кроме того, он запасся подзорной трубой, чтобы внимательно осмотреть окрестности, когда взойдет на мыс, и захватил с собой сухарей, кусок солонины и фляжку с водой.

Сначала дорога была хорошая, и Бриан шел очень быстро, рассчитывая к восьми часам обязательно дойти до мыса. Но уже через час пути стали попадаться скалы, большие лужи воды, цепкие водоросли. Идти стало трудно, и Бриан понял, что ему не дойти к намеченному сроку, он наверняка опоздает по крайней мере часа на два.

«Я должен во что бы то ни стало дойти до мыса раньше, чем начнется прилив, – думал энергичный мальчик. – Если идти в обход, то я сильно опоздаю, поэтому нужно спешить».

Невзирая на страшную усталость, которая чувствовалась во всем теле, Бриан ускорил шаг, выбирая самую прямую дорогу. Когда встречалась лужа, он не обходил ее, а разувался и переходил ее босиком. Встречались скалы – он взбирался на них, не щадя сил.

Дойдя до того места, где начинались ведущие к мысу скалы, Бриан заметил, что водных птиц здесь стало встречаться гораздо больше. Два или три тюленя подплыли к берегу и при виде человека не проявили ни малейшего беспокойства. Из этого можно было заключить, что у них еще не было повода бояться людей и, следовательно, люди по крайней мере несколько лет не появлялись в этих местах.

Подойдя к подножию мыса, Бриан заметил неподалеку огромную стаю пингвинов, неловко и забавно махавших своими крыльями, которые, как он знал, служат им не для полета, а для плавания. Это значило, что земля, куда буря выбросила наших юных мореплавателей, лежала гораздо южнее Новой Зеландии.

Было десять часов утра, когда Бриан достиг наконец цели своего путешествия. Он страшно устал и проголодался и поэтому, прежде чем начать последний подъем на скалу, решил немного отдохнуть и подкрепиться.

Мальчик уселся на утесе, вокруг которого плескались волны прилива, и съел свою солонину, запив ее несколькими глотками воды. Отдыхая от ходьбы, он в то же время обдумывал положение, в котором находились он и его товарищи.

Бриан поставил себе цель – стремиться к спасению всей команды – и дал себе слово оставаться верным этой цели до конца. Его очень беспокоила позиция Донифана и его друзей. Он понимал, как опасен раздор для общего дела. Бриан твердо решил всеми силами противиться любым действиям, которые могли бы помешать достижению его цели.

Кроме того, его заботила перемена в поведении Жака. Бриан подозревал, что мальчик скрывает какой-нибудь проступок, совершенный им, быть может, еще до отъезда, и решил принять все возможные меры, чтобы заставить Жака откровенно признаться и облегчить свою душу.

Бриан отдыхал около часа, и силы вернулись к нему. Он встал и начал взбираться на последний утес.

Этот утес, находившийся на самом краю бухты, имел довольно странную форму. Вопреки тому, что казалось издали, он не был связан со скалой, возвышавшейся посредине залива.

Подъем оказался довольно трудным. Приходилось перебираться с камня на камень, а некоторые из них были очень высокими. Но Бриан был мастер лазить, и вскоре он добрался до вершины утеса, несколько раз счастливо избежав опасности падения.

Отдышавшись, он навел свою подзорную трубу на восток.

Местность вокруг была ровная и низменная – на всем расстоянии, которое можно было окинуть вооруженным глазом. Скала была самым высоким местом, и плоскость ее вершины постепенно понижалась внутрь острова. Неподалеку виднелось несколько чуть заметных холмиков, несколько не изменявших общего равнинного характера местности. Далее зеленели леса, за которыми прятались речки, стекавшие к берегу. Равнина простиралась до самого горизонта, приблизительно миль на десять – двенадцать. С этой стороны нельзя было решить, чем ограничивается эта равнина – морем или сушей. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно было организовать продолжительную экспедицию далее на восток.

На севере берегу не было видно границы, он уходил далеко вперед прямой линией, загибался небольшим мысом и шел дальше, казалось, без конца.

На юге, за мысом на другом краю бухты, берег расходился на северо-восток и на юго-восток, ограничивая обширное болотистое пространство.

Бриан внимательно осмотрел в свою трубу все стороны этого обширного пространства, но так и не смог решить, остров это или материк. Если остров, то, видимо, очень большой.

Бриан обернулся на запад. Море ярко сверкало под косыми лучами солнца, уже начавшего склоняться к западу.

Вдруг он быстро поднес трубу к глазам и направил ее на море.

– Корабли! – воскликнул он. – Корабли плывут!

Действительно, вдали, милях в пятнадцати от берега, показались три черные точки.

Какое волнение охватило Бриана! Неужели это правда? Неужели это на самом деле корабли?

Бриан опустил трубу, протер стекла, запотевшие от его горячего дыхания, и снова навел ее вдаль.

Да. Эти три точки очень похожи на корабли, у которых, правда, виден только один корпус. Странно: не видно мачт... Дыма тоже не видно, но это ничего не значит, ведь это могут быть и не пароходы...

Однако расстояние слишком велико, и если начать подавать сигналы, на кораблях все равно их не заметят. Товарищи Бриана, конечно, не видят кораблей. Надо бежать скорее и предупредить их. Когда зайдет солнце и наступит вечер, можно будет зажечь огни. Огни уж точно, несмотря на расстояние, будут замечены с кораблей.

Размышляя так, Бриан не переставал рассматривать замеченные им черные точки. Как же велико было его разочарование, когда через несколько минут он убедился, что они не движутся.

Он снова навел трубу и взгляделся еще внимательнее, еще пристальнее.

Увы! Это вовсе не корабли, это просто три островка, расположенные к западу от берега. Яхта наверняка проходила мимо них, но с борта в тумане их не было видно.

Было два часа дня. Начался отлив, и берег понемногу освобождался от воды. Бриан решил, что пора уже возвращаться на яхту, и приготовился спускаться со скалы.

Перед уходом ему захотелось еще раз осмотреться кругом. Солнце ниже склонилось к горизонту, и Бриан решил воспользоваться этим – в надежде увидеть еще что-нибудь интересное, не замеченное ранее.

Внимательнее прежнего навел юноша свою трубу – и не раскаялся, что задержался на утесе еще на несколько минут.

Вдали, за темно-зеленой линией леса, он вполне отчетливо разглядел синеватую полосу, которая тянулась с севера на юг; ее концы терялись за темной массой деревьев.

«Что это такое? Что это за полоса?» – мысленно спросил он.

Он еще раз внимательно посмотрел в трубу.

– Море! – воскликнул он. – Да это же море!.. Конечно, море! – и труба едва не выпала у него из рук.

Теперь у него не оставалось сомнений: если на востоке море, то, следовательно, «Мэри» выброшена на остров, затерявшийся на неизмеримом просторе Тихого океана, – на уединенный, пустынный, необитаемый остров, с которого нет никакой возможности выбраться...

В голове мальчика одна за другой промелькнули картины опасностей, которые могут подстерегать юных мореплавателей в будущем. Сердце его тревожно забило, но он преодолел свою слабость и решил, что не следует унывать прежде времени.

Через четверть часа Бриан уже спустился на песчаное взморье и пустился в обратный путь. К пяти часам он уже был на яхте, где товарищи с нетерпением дожидались его возвращения.

VI

Спор. – План экспедиции. – Поход откладывается. – Морские карты. –хлопоты по хозяйству. – Рыбная ловля. – Прогулка верхом. – Сборы в путь. – На коленях перед Южным Крестом

В тот же вечер после ужина Бриан рассказал товарищам о результатах своей разведки. Они сводились к следующему: на востоке, по ту сторону лесов, ясно была видна полоса воды, шедшая с севера на юг. Бриан не сомневался, что это океан, и пришел к заключению, что земля, на которую мальчиков выбросила буря, – остров.

Гордон и другие пришли в неописуемое волнение, когда узнали, что находятся на острове. Как! Стало быть, им никак не выбраться отсюда, стало быть, им придется ждать до тех пор, пока не покажется какой-нибудь корабль... Неужели нет иного пути к спасению?

– Разве Бриан не мог ошибиться? – сомневался Донифан.

– В самом деле, Бриан, может быть, ты принял за море гряду облаков? – спросил Кросс.

– Нет, я уверен, что не ошибся, – отвечал Бриан. – Я видел именно полосу воды.

– На каком расстоянии? – уточнил Вилькоккс.

– Милях в шести от мыса.

– А за этой полосой не было видно гор, или холмов, или чего-нибудь такого? – допытывался Вебб.

– Ничего я не видел кроме неба.

Бриан говорил с такой уверенностью, что для дальнейших сомнений места не оставалось.

Но Донифан всегда был очень упрям, особенно когда спорил с Брианом. Он продолжал стоять на своем.

– А все-таки Бриан мог ошибиться, – сказал он, – и пока мы не убедимся собственными глазами...

– Ну что ж, прекрасно, – согласился Гордон. – Пойдемте все вместе и посмотрим. Ведь нам же надо решить, как быть дальше.

– И, по-моему, нужно торопиться, – сказал Бак-стер, – если мы хотим двинуться в путь, пока погода снова не испортилась.

– Завтра же и пойдем, если погода позволит, – решил Гордон. – Экспедиция наша продлится, возможно, несколько дней, поэтому в дурную погоду о ней нечего и думать – это уж точно было бы настоящим безумием.

– Хорошо, Гордон, – отвечал Бриан, – а когда мы дойдем до противоположного берега нашего острова...

– Если только это остров, – поправил Донифан, презрительно пожимая плечами.

– Да говорят же тебе, что остров, – возразил Бриан с нетерпеливым жестом. – Я видел море на востоке совершенно ясно. Донифану, господа, только бы спорить...

– Но и ты ведь можешь ошибаться, Бриан.

– Возможно, но в этом случае я не ошибаюсь, и вы сами это увидите. Я пойду исследовать этот берег, и если Донифану будет угодно идти со мной...

– Разумеется, я пойду!

– И мы тоже! – вскричали трое или четверо из «старших».

– Ладно, ладно, господа! – остановил их Гордон. – Не следует горячиться – это прежде всего. Хоть мы все-таки еще дети, но постараемся вести себя как взрослые. Наше положение и так очень серьезно, а если мы будем совершать разные безрассудства, оно станет еще тяжелее. Нет, господа, как хотите, а всем нам уходить нельзя. Во-первых, взять с собой маленьких мы не можем – как же мы их оставим одних на «Мэри»? Пусть идут Донифан, Бриан и с ними еще кто-нибудь двое...

– Я! – вызвался Вилькоккс.

– И я! – сказал Сервис.

– Хорошо, – согласился Гордон. – Четырех человек вполне достаточно. Если вы почему-либо не вернетесь в срок, кто-нибудь из нас пойдет вам навстречу, а прочие останутся на яхте. Не забывайте, что здесь наш лагерь, наш дом, наш очаг, и что покидать яхту не следует до тех пор, пока мы не убедимся, что находимся на материке.

– Мы на острове, я снова повторяю и утверждаю это, – в сердцах сказал Бриан.

– Увидим, – возразил Донифан.

Разумные советы Гордона действовали на товарищей и успокоили их горячие головы. Каждый из них – и в том числе Бриан – понимали, что следует внимательно осмотреть вблизи эту таинственную полосу воды, которую Бриан видел издалека. Даже если допустить, что эта полоса действительно море, отчего же не предположить, что за ней лежат другие острова, отделенные друг от друга более или менее узкими проливами, через которые нетрудно будет переплыть? Может быть, эти острова составляют целый архипелаг – этого ни в коем случае не следует упускать из вида.

До сих пор было несомненно лишь одно: что на западе нет никакой суши на всем пространстве от Новой Зеландии до этой части Тихого океана. Таким образом, наши мальчики могли рассчитывать добраться до какой-нибудь обитаемой земли только на востоке.

Однако задуманную экспедицию следовало предпринимать не иначе, как в хорошую погоду. Как совершенно справедливо заметил Гордон, им следует рассуждать и поступать не как детям, а как взрослым людям. Их положение было настолько критическим, что если они не напрягут все свои умственные способности, если не отбросят всяческое легкомыслие, если не прекратят раздоры между собой, то им не миновать гибели. В силу этих соображений Гордон поставил себе задачу – во что бы то ни стало поддерживать мир и порядок среди товарищей.

Донифану и Бриану хотелось отправиться в путь как можно скорее, но им волей-неволей пришлось отложить свое намерение, потому что на другой день опять резко испортилась погода. Пошел холодный дождь с сильным ветром. Барометр все время стоял на «буре», и разыгравшейся непогоде не предвиделось конца. В таких условиях было очень рискованно пускаться в путь.

Стоило ли об этом жалеть? В сущности – нет, не стоило. Положим, всем мальчикам – и маленьким, и большим – хотелось знать, где они находятся, на материке или на острове, но даже если бы и оказалось, что они находятся на материке, разве могли бы они идти наугад, сами не зная куда, да в такое холодное время года? Самый крепкий из них не мог за себя поручиться, что выдержит такой трудный путь, а что уж говорить о маленьких...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.